

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. М. ЖИВОВ

ТИПОЛОГИЯ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Сочетаемость согласных в различных языках подчинена достаточно строгим ограничениям; при типологическом сопоставлении обнаруживается ряд закономерностей¹, позволяющих говорить о более и менее сложных синтагматических системах в различных языках, о более и менее сложных типах сочетаний согласных. При таком подходе, однако, возникает ряд трудностей, связанных с невозможностью построения какой-либо эталонной системы групп согласных, относительно которой все реально существующие системы будут рассматриваться как последовательные ее упрощения. Одна из основных трудностей такого построения — отождествление отдельных фонем и групп фонем в различных языках. Возможность построения такой эталонной системы мы в значительной степени получаем, переходя от типологии языков вообще к типологии близкородственных языков или диалектов одного языка. В типологии диалектов одного языка мы можем для идентификации фонем и сочетаний фонем обращаться к уровню значимых единиц. В то же время в типологии диалектов с большим правом, чем в типологии языков, можно предполагать общность определенных артикуляторных навыков их носителей.

Было бы интересно исследовать системы групп согласных различных говоров русского языка и сравнить их в их полном объеме. Такая задача, однако, в настоящее время совершенно нереальна, так как для этого необходимы полные грамматики и словари всех говоров², а не описание отличий их от литературного языка. Нереальна и более скромная задача определения и типологии всех видов упрощения максимально полной системы по говорам, поскольку существующие работы в большинстве своем не содержат описания всех случаев изменения групп согласных, даются только примеры на отдельные изменения; таким образом, даже и отличия от литературного языка редко описаны в полном объеме. При этом часто остается неясным, последовательно ли изменяется данная группа согласных или изменение ограничено отдельными примерами. Не пытаясь дать такого описания, мы стремились лишь поставить проблемы, с ним связанные, и наметить пути его создания. Работа основана только на данных опубликованных исследований и материалов. Выводы, в ней содержащиеся, верны поэтому

¹ См.: Дж. Г р и н б е р г, Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных, ВЯ, 1964, 4.

² О проблемах составления полного инвентаря групп согласных см.: С. М. Т о л с т а я, Начальные и конечные сочетания согласных в славянских языках. Автореф. канд. диссерт., М., 1968, стр. 6—7. Для диалектов дополнительная трудность состоит в определении нормы произношения для данного диалекта.

лишь в той мере, в которой рассматриваемая совокупность описаний отражает реально существующее положение вещей; все это обуславливает сугубо предварительный характер сделанных выводов. Тем не менее даже и такое предварительное исследование дает известное представление о круге явлений, связанных с проблемой, и о соотношении этих явлений. Проверка высказываемых здесь гипотез требует не столько большого числа описаний, сколько описаний более полных и последовательных³.

Прежде чем сравнивать различные изменения группы согласных в говорах русского языка, необходимо остановиться на самом понятии и з м е н е н и я г р у п п ы с о г л а с н ы х. Группа согласных может преобразовываться в результате изменения одного из своих компонентов, изменения, не связанного с его вхождением в данный тип групп согласных, т. е. в том случае, когда изменение затрагивает данный звук в любом контексте или в определенной позиции (начало, конец) в слове (например, преобразование *цв'ет* — *т'в'ет* есть изменение *ц* в *т'*, но не группы *цв'* в *т'в'*).

Есть, видимо, случаи (см. ниже), для которых провести границу довольно трудно. Так, мы можем знать, что определенный процесс (например, переход *в* сонорного в фрикативный) во всей совокупности говоров не связан непосредственно с вхождением этого звука в определенные сочетания согласных (например, в начале слова), однако в отдельных говорах можно найти *у* на месте литературного *в* или *ф* только в начале слова перед некоторыми согласными (*удова*, *унук*), а это можно связывать с неудобством для системы появления такого рода групп согласных (*вд*, *вн*). Представляется, однако, целесообразным рассматривать такие случаи в связи с процессом изменения данного звука вообще, а не специально как изменение группы согласных. Когда мы говорим об изменении, естественно возникает вопрос, что мы понимаем под эталонной системой. Для наших целей более или менее безразлично, будет ли этим эталоном морфофонологическая запись, наиболее полная система, орфографическая норма литературного языка или разумно выбранное прасостояние. Избирать в качестве такого эталона орфоэпискую норму литературного языка нам кажется хотя и возможным, однако нежелательным.

Другие же изменения обусловлены артикуляторным или системным неудобством данной группы и понимаются как изменения группы согласных как целого (например, отпадение *т*, *т'* в конечных группах *ст*, *с'т'*). Только эти последние изменения и будем рассматривать.

Вопрос о сложных, неудобных для системы, типах групп согласных разумно решать сначала для начальных и конечных (в слове) групп согласных, поскольку срединные (интервокальные) сочетания могут распределяться по разным слогам, в связи с чем возникают специфические проблемы. Для определения степени сложности группы согласных нужно рассматривать типы групп согласных и, следовательно, нужно установить, какие группы согласных относятся к одному типу, а какие — к разным. Дело в том, что принятая в такого рода описаниях фонетическая классификация фонем (смычные, спиранты и сонанты) не вполне удовлетворительна, так как две фонемы, входящие в один фонетический класс, могут иметь весьма разную дистрибуцию, и, наоборот, две фонемы, входящие в

³ В работах по консонантной ситагматике это обстоятельство не раз отмечалось см., например: В. Г. Орлова, Губные спиранты в русском языке, «Труды Ин-та русского языка», II, 1950; Е. Г. Бузова, Диалектные изменения и замены *ж* при сочетании его с последующими взрывными согласными, «Очерки по фонетике севернорусских говоров», М., 1967, стр. 213; А. К. Васильева, Об изменении сочетаний согласных *вн* и *мн* по говорам русского языка, там же, стр. 229—230. Единственная программа, достаточно обстоятельно разрабатывающая эти вопросы, — «Программа для собирания особенностей великорусских говоров» В. И. Чернышева (Сб. ОЯС, 68, 1, 1900), но ответов на эту программу весьма немного.

разные классы — обладать дистрибуцией весьма сходной. Так, например, во многих славянских языках фонема $|m|$ дистрибутивно довольно отчетливо противопоставлена другим сонантам, приближаясь (опять же по своей дистрибуции) к шумным смычным.

Так, в болгарском языке возможны следующие начальные сочетания с сонантом в качестве первого члена rv , nr , mr , ml , ml' , mn , в екавском наречии сербскохорватского языка — rj , mj , mr , ml , ml' , mn , mn' , особенно же ясно в экавском — mr , ml , ml' , mn , mn' , в то же время начальные сочетания с последующим сонантом наиболее характерны для смычных ⁴. $/m/$ по своей дистрибуции отличается от других сонантов и в русском литературном языке — ср. хотя бы начальные трехэлементные группы с сонорным в качестве первого члена ($л'с'т$, $мс'т$, $мэд$, $мэ'д'$, $мгл$, $мгл'$, $мгн$), среди которых группы с начальным $/m/$ преобладают.

Поэтому говорить о типах групп согласных следует не на основе классификации фонетической, но на основе классификации фонем по их дистрибуции. Эта классификация основана на измерении степени фонетического сходства окружений различных фонем: две фонемы попадают в один класс, если фонетическое сходство их окружений больше среднего ⁵. Применяя эту процедуру к русскому литературному языку, получаем следующие результаты: $|m|$ и $|m'|$ войдут в один класс с шумными смычными, $|n|$ и $|n'|$ составят отдельный класс, отличный от класса фонем $|г, г', л, л'|$. В отдельный класс выделятся фонемы $|v, v'|$, с одной стороны, и фонемы $|s, s', z, z', š, ž|$, с другой ⁶.

Можно говорить о том, что один тип сочетаний согласных удобнее (иерархически выше в системе), чем другой, не обращаясь к сравнению языков, но оставляя в пределах одного языка ⁷. Для этого обращаемся к следующим критериям: (1) из двух типов сочетаний иерархически выше тот, для которого больше отношение числа реально отмеченных групп согласных к числу теоретически возможных для данного типа; (2) из двух типов сочетаний иерархически выше тот, который представлен большим числом сочетаний; (3) из двух типов иерархически выше тот, который отмечен не только в двух-, но и в трехэлементных сочетаниях. Понятие фонетической трудности в ряде случаев весьма неопределенно, в типологии неродственных языков становится и вовсе туманным, иерархическая система описанного типа дает нам один из возможных формальных коррелятов этого отношения. Можно ожидать, что различные упрощающие процессы ⁸ будут прежде всего воздействовать на «трудные» (иерархически низкие) сочетания и лишь потом — на более высокие. Было бы, видимо, неверным предполагать, что упрощение определенного типа сочетаний всегда предполагает упрощение всех других нижестоящих типов того же иерархического

⁴ С. М. Толстая, Начальные и конечные сочетания согласных в славянских языках. Канд. диссерт., М., 1968, стр. 297—305, 345, 365—370. О чешском языке в этом аспекте см. там же, стр. 195.

⁵ Описанию формальной процедуры, устанавливающей такую классификацию, посвящена наша статья «Иерархические отношения согласных в синтагматике» («Публикации Лаборатории вычислительной лингвистики МГУ», в печати).

⁶ Конечно, нельзя а priori утверждать, что такая классификация свойственна всем говорам русского языка, поскольку она основана на определенном инвентаре групп согласных, а он от говора к говору меняется. Однако мы будем считать эту классификацию исходной.

⁷ Ср. внутриязыковое понятие «fonction primaire» и «secondaire» у Е. К у р и л о в и ч а в статьях: «La notion de l'isomorphisme» и «Contribution à la théorie de la syllabe», в его кн.: «Esquisses linguistiques», Wrocław — Kraków, 1960, стр. 24, 227.

⁸ Мы будем говорить об упрощении групп согласных в широком смысле, понимая под упрощением начальной или конечной группы всякое изменение, приводящее к тому, что группа перестает существовать в своем качестве начальной или конечной, в том числе и в случае, когда при появлении протетической гласной группа распределяется по разным слогам.

ряда. Часто вернее более слабое утверждение, именно: если определенный фонетический процесс (например, протеза гласного) воздействует на ряд типов одного иерархического ряда, то, воздействуя на более высокие, он воздействует и на более низкие.

Рассмотрим теперь, какие начальные и конечные группы согласных упрощаются в говорах русского языка. К трудным начальным группам должны быть прежде всего отнесены сочетания сонорных (*p, p', л, л', отчасти м*) с последующим согласным. Упрощение этих сочетаний широко распространено, появляется протетическая гласная (*аржаной, оржаной, ильны*), происходит вставка гласной (*р'ажанья*)⁹. (В этой же связи можно рассмотреть и формы, в которых отсутствует чередование гласного с нулем звука — типа *лоба, моза*, хотя сохранение их обусловлено, скорее всего, морфологическими факторами.) К иерархически низким относятся сочетания смычного со смычным или с аффрикатой и смычного с сибилантом — *пт, пт', кт, гд, гд', пч' (пч'), пс, пск, пш, кс'*¹⁰. При упрощении этих сочетаний может опускаться первый элемент (*/п/тица, /п/ташка, /г/де, /п/чела, /п/саломщик, /п/скопской, /п/шеница*). Первый элемент может заменяться другой фонемой (*мтица, мташка, мчела*¹¹).

Дистрибуция *м* близка дистрибуции шумных смычных, однако полностью с нею не совпадает, поэтому *м* может быть отнесен к периферии класса смычных, и данная замена истолкована как упрощение и объяснена как соотнесение элементов (группа согласных), периферийных для системы в целом, с периферийными элементами (фонема) класса. Фонетически это явление может быть объяснено как возникновение побочного слога на месте труднопроизносимой группы согласных, ср. в этой связи развитие здесь полного слога (протеза гласного) — *омч'ельник, Омч'елькино*¹². Быть может, впрочем, здесь аналогия с *омшеники, омшанники*.

Перед группой рассматриваемого типа может появляться протетический гласный (*изде*)¹³. Подвергаются упрощению и группы *дл', стл, дн, дн'*, которые, видимо, можно отнести к трудным, так как им свойственна определенная асимметрия (нерегулярность — отсутствие *дл, тл, стл'*,

⁹ См.: Е. Б у д д е, К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском у. Рязанской губ., Казань, 1896 (далее — Гов. Касим.).

¹⁰ Мы не обнаруживали сколько-нибудь последовательного упрощения группы *тж-*. Известные нам примеры *иткала* (от «ткать», см.: П. Ф. К а л а ш н и к о в, Фонетические особенности говоров «Семейских» Забайкалья, «Уч. зап. МОПИ», 163, 12, 1966, стр. 323; далее — Гов. Забайк.), *так'жм* (В. М. Ч е р н ы ш е в, Несколько сведений о быте и говоре «шуваликов» Верейского у., ИОРЯС, 10, 2, 1905, стр. 369; далее — Гов. шуваликов). Соотношение *тжнуть — тыкнуть* и под. имеют, видимо, нефонетический источник и поэтому здесь не рассматриваются.

¹¹ Другие примеры: *это* (изменению *к* перед взрывными в предложнопадежных конструкциях посвящено указ. соч. Е. Г. Буровой), *где* — различные произношения и замены *г* перед смычными должны, видимо, рассматриваться в связи с судьбой *г/у* в русских говорах; *нде* — такая замена зафиксирована в речи стариков в Кашинском у., причем *н* — глухой носовой (И. Т. С м и р н о в, Кашинский говор, Сб. ОРЯС, 77, 9, 1904, стр. 38, далее — Кашин. гов.), эту замену можно объяснить, видимо, как возникновение побочного слога на месте трудной группы согласных; *Вдова* вместо *Гдов* — см.: В. И. Ч е р н ы ш е в, Псковское наречие, «Изв. комиссии по русскому языку», I, М.—Л., 1931 (далее — Псков. нар.) (д. Сабези Псковского у.); *фишница* — см.: Г. С. В и н о г р а д о в, П. Я. Ч е р н ы х, Русские говоры центральной части Тулунского у. Иркутской г., Иркутск, 1924, стр. 10.

¹² См.: Н. В и н о г р а д о в, О народном говоре Шугиневской в. Костромского у., Сб. ОРЯС, 77, 8, 1904, стр. 33 (далее — Гов. Шугин. Костром.).

¹³ Здесь же, видимо, могут быть рассмотрены и широко распространенные формы типа *п'шеница, п'чела, п'салом* (см. ниже). Если думать, что мы наблюдаем здесь древний редуцированный (впрочем в этом случае, естественнее было бы ожидать формы *б'чела*), его сохранение могло бы объясняться стремлением избежать трудного стечения согласных.

тн, тн'), нехарактерная для других групп этих типов. Типы изменений — *гле, гля, ли*¹⁴, *зля*¹⁵, *глинный, слать, нно, нни, энём, гно*¹⁶.

К трудным сочетаниям согласных следует отнести и группу *нр*. Типы изменений — *ндрав*¹⁷, *мрав, рнав, инравиться, индравиться, ирнавиться*¹⁸, *дравитце*¹⁹, *ндрав'ицца*²⁰ (хотя, может быть, последнюю форму следует рассматривать как полногласную).

Вставка смычного в группы *ср, зр* интерпретируется как переход к иерархически более высокому сочетанию, поскольку тип «сибилянт плюс смычный» выше типа «сибилянт плюс плавный» и тип «смычный плюс плавный» выше типа «сибилянт плюс плавный»²¹.

Мы не рассматриваем здесь ряд изменений, характерных для начала слова. Опускание фрикативного элемента в группе *зн* наблюдается в формах глагола *знать*²², что может быть связано с особенным (близким модальной частице) характером употребления этого глагола. К иерархически низким относятся и группы с начальными *ф, в* (*фт, фи, фч, фк, вд, вн*), претерпевающие различные изменения в русских говорах. Эти изменения, однако, следует рассматривать в связи с судьбой славянского *в(ш, ѣ)*, поскольку только в этом контексте можно понять, какие изменения обусловлены трудностью сочетания, а какие — особенностями оглушения и спирализации *ш*²³, поэтому мы подобных изменений рассматривать не будем. Наконец, различным изменениям подвергаются группы *вн* и *мн*, в том числе и начальные. Характер этих изменений с точки зрения трудности соответствующих групп или их иерархического положения неясен, их разбору посвящена упомянутая работа А. К. Васильевой.

Перейдем к рассмотрению конечных групп согласных. Наиболее широко распространено явление упрощения групп типа «согласный плюс сонорный» (*р, р', л, л', н, н'*). Упрощение этих групп происходит за счет опущения сонорного (*карап, карап'* «корабль», *жыс'*), замены носового смычным (*жыс'т', бол'ес'т'*).

¹⁴ Отмечено в работе: А. И. И в а н о в а, Фонетика говоров Слободского р. Смоленской обл., «Уч. зап. Смоленск. пед. ин-та», II, 1953, стр. 137 (далее — Гов. Смоленск.).

¹⁵ См.: А. И. Са х а р о в, Язык крестьян Ильинской в., Болховского у. Орловской губ., Сб. ОЯС, 68, 5, 1900.

¹⁶ См.: Г. С. В и н о г р а д о в, Замечания о говорах Тункинского края, Иркутск, 1926, стр. 13 (далее — Гов. Тунк.).

¹⁷ Такое изменение может быть признано упрощающим, поскольку группа *ндр* имеет дихотомическое разложение (см.: J. Ku r y ł o w i c z, Uwagi o polskich grupach spółgłoskowych, в кн.: «Esquisses linguistiques», стр. 224) *н — др* и таким образом отходит к особому рода периферийным сочетаниям. Возможное фонетическое объяснение — возникновение побочного слога на месте трудной группы согласных (*ср*. формы с протетической гласной).

¹⁸ Формы с метатезой и протезой отмечены у В. И. Ч е р н ы ш е в а («Материалы для изучения говоров и быта Мещовского у.», Сб. ОЯС, 70, 7, 1901, стр. 66, 74, 159; далее — Гов. Мешов.). Форму с протезой см. еще: Гов. Забайк., стр. 323.

¹⁹ Карпогорская в. Архангельского у. (см. «Труды комиссии по диалектологии русского языка», 11, Л., 1930, стр. 8).

²⁰ См.: Гов. Смоленск., стр. 124; О. Б р о к, Говоры к западу от Мосальска, Пг., 1916 (далее — Гов. Мосал.), § 134 ответа на программу по селам Кобылье Спасское и Котово.

²¹ Этот результат получаем применением третьего критерия (о протяженности группы, см. стр. 71) при непротиворечащих данных первых двух. Группы мотивированные, по терминологии Е. Куриловича («Uwagi...», стр. 224—225), т. е. те, через которые проходит морфемный шов, при этом не рассматриваются. Встречаются и другие изменения этих групп, например, *жорут*, форма с протезой *ограч'ок* (см.: В. И. Светлова, Говоры восточных районов среднего Урала. Автореф. канд. диссерт., М., 1965, стр. 14; далее — Гов. Урала).

²² Один раз нам встретилась форма *начить* «значить»: В. И. Ч е р н ы ш е в, Сведения о народных говорах некоторых селений Московского у., Сб. ОЯС, 68, 3, 1900, стр. 20 (далее — Гов. Моск.).

²³ См.: В. Г. О р л о в а, указ. соч.

Для этих изменений легко уточняется понятие лексикализованности, именно, если при словоизменении подобных слов находим неизменную форму (*жураф* — *журавля*, *жысть* — *жиэни*), мы имеем дело с нелексикализованным процессом, в противном случае (*жураф* — *журафа*, *жысть* — *жысти*) — с лексикализованным. Лексикализованность понимается при этом как невозможность для данной формы путем внутренней реконструкции получить праформу. Нас должны интересовать прежде всего нелексикализованные изменения. К сожалению, данные многих описаний не позволяют установить, с какого рода явлением мы имеем дело.

В ряде говоров к устранению таких групп приводят фонетические процессы сложные, видимо, по своей природе. Ср. формы с гласным после консонантной группы (*жыэня*, *Пётра*, *Лександра*, *ноябри* ²⁴), в середине группы (*жизень*, *журавель*, *игор* — род. падеж мн. числа от *игра*, в кратких прилагательных *добёр*, *щедир*).

Широко представлено и упрощение конечных групп *c'm'*, *ст* (отпадение смычного) ²⁵. Здесь же следует, вероятно, рассматривать и такие явления, как упрощение группы *см* (*нас* из *пасм*), *зм* (*рематис* из *ревматизм*), *шт* (*трах* из *тракт* ²⁶), *фт'/хт'* (*юхоть* из *юфть* — Кашин. гов., стр. 31).

Некоторые процессы характерны только для заимствованной лексики. В ряде говоров упрощаются конечные группы типа «смычный плюс смычный», чаще всего приставкой гласного (*продукта* вместо *продукт*), однако возможны и другие изменения (*факът*, *акът*, *пунк*, *рыцеп*, *фак* ²⁷, отметим еще форму *Венедик* — Кашин. гов., стр. 56, 69). Интересна судьба сочетаний типа «н плюс согласный». Эти сочетания, будучи по своему фонетическому типу («сонорный плюс смычный») вполне легкопроизносимы, абсолютно чужды исконно русской системе сочетаемости согласных. Особо неприемлемы сочетания *нк*, *нг* из-за отсутствия в русском заднеязычного носового. Эти сочетания подвергаются в ряде говоров упрощению (примеры: *банок*, *банка* вместо *банк*, *митинок* вместо *митинг*, *танка* вместо *танк* ²⁸). См. в этой связи широко распространенное упрощение имени Александр (*олексан*, *лексан*), лишь в одной из известных нам работ приводится форма *ol'oksant* ²⁹. Быть может, впрочем, это результат аналогических процессов, связанных со словообразовательным типом, — определить причину однозначно невозможно. Вероятно, однако, что и редкость рассматриваемого словообразовательного типа обусловлена (если добираться до первоисточника) фонологическими причинами. Что же до группы *-нт*, то она зачастую появляется в заимствованных словах на месте этимологического *н* (реже *т*), выделяя эти слова в особую, периферийную (по фонетическому облику) часть лексики — «чужие слова» ³⁰.

²⁴ Формы *akt'ábri*, *n'jábri*, *d'ikábri* отмечены О. Броком в окрестностях Силькович (Гов. Мосал., стр. 101).

²⁵ Конечное *ск*, видимо, упрощения не претерпевает. См., впрочем, форму *вереск* (*вереск*), отмеченную В. И. Чернышевым (Псков. нар.) в письменной работе ученика Владимиро-Выборгского земского училища.

²⁶ В говоре семейских *трах*, *контрах* (см.: А. М. Селищев, Диалектологический очерк Сибири, Иркутск, 1921, стр. 77, 227; далее — Диал. Сиб.).

²⁷ И. Г. Долгачев, Бударинские говоры, «Уч. зап. Волгоград. пед. ин-та», 14, 1961.

²⁸ См.: Гов. Урала, стр. 14; В. Н. Светлова, Фонетические особенности некоторых говоров восточных районов Свердловской обл., «Уч. зап. Тюменск. пед. ин-та», 1, 1960; «Материалы для изучения великорусских говоров», IX, Сб. ОЯС, 87, 5 — с. Яреньга Никольского у. Вологодской губ.; А. Молотилов, Говор русского старожилого населения северной Барабы, «Труды Томского об-ва изучения Сибири», II, 1, 1913 (далее — Гов. Барабы).

²⁹ С. А. Еремин, Описание Уломского и Ваучского говоров Череповецкого у. Новгородской губ., Сб. ОЯС, 99, 5, 1922, стр. 22 (далее — Гов. Череп. Новг.).

³⁰ Распространены гиперкорректные формы *крант*, *плант*, *климант*, *экзамент*, реже *резонт*, *ренгент*, *романт*, *партизант*. См.: В. Мансикка, О говоре Шенкурского у. Архангельской губ., ИОРЯС, 17, 2, 1912, стр. 103 (далее — Гов. Шенкур.); Н. М. Васнецов, Материалы для объяснительного областного словаря Вятского

Среди консонантных сочетаний в интервокальных позициях следует различать те, через которые слогораздел проводится однозначно, и те, для которых такой однозначности нет. В первом случае сочетание согласных как такое вообще отсутствует³¹. В этом случае можно говорить о неудобной последовательности слогов. К наиболее удобным следованиям относится такое, при котором предыдущий слог оканчивается сонорным, а последующий начинается смычным, к наименее удобным такое, при котором в обоих обозначенных позициях стоят смычные. Последний случай находим в таких словах, как *свадьба*, *усадьба*, *ведьма*, *кладбище*. Их упрощения — *сварьба*, *свальба*, *усарьба*, *вельма*, *кларьбище* широко распространены в севернорусских и части среднерусских говоров³².

Форма *свальба* распространена в б. Вятской губ. и прилегающих к ней районах, на Урале и в Сибири³³. Судя по приводимым данным, изменение

говора, Вятка, 1907 (далее — Вятск. гов.); В. М. Попов, Замечания о северо-смоленских и ржевских говорах, ИОРЯС, 18, 3, 1913; Капшин. гов. стр. 66; Н. Н. Дуринов, Описание говора деревни Парфенок Рузского у., Варшава, 1903, стр. 102 (далее — Гов. Рузск.); Гов. Моск., стр. 52; Гов. пшуваликов; Е. П. Грушевская, Фонетические особенности говора Зайковского р-на Свердловской обл., «Уч. зап. Уральск. гос. ун-та», 20, 1958, стр. 67 (далее — Гов. Зайк. Свердлов.); Гов. Барабы; А. И. Сахаров, указ. соч., стр. 5; К. Филиатов, Очерк народных говоров Воронежской губ., РФВ, 37—39, 1897—1898, стр. 312 (далее — Гов. Воронеж.); И. Г. Долгачев, указ. соч., стр. 93; И. С. Иосифович, Материалы для этнографии Астраханского края, РФВ, 63, 1, 1910; А. Грандильевский отмечает форму *пакемент* (пакет) (см. его «Родина М. В. Ломоносова», Сб. ОРЯС, 83, 5, 1907; далее — Род. Лом.).

³¹ См.: С. Б. Бернштейн, К истории слога в праславянском языке, «Славянское языкознание», М., 1963, стр. 63.

³² См. Б. Прушевская, Некоторые особенности красносельского говора, «Scando-slavica», VIII, 1962 — б. Выборгская губ.; Н. Белоруссов, Об особенностях в языке жителей Вологодской губ., РФВ, 18, 3—4, 1887—Тотемский у.; Б. и Ю. Соколовы, Говор южной части Белозерского у. Новгородской г., «Труды Московской диалектологической комиссии», 2, 1910, стр. 60; В. Мансикка, Говор Грязовецкого у. Вологодской г., там же, 3, 1914, стр. 76 (далее — Гов. Грязов.); М. А. Синозерский, О говоре жителей Леоветской в. Боровичского у., «Живая Старина», 3—4, 1895; Капшин. гов., стр. 34; Гов. Моск., стр. 18; Гов. Рузск., стр. 97; С. А. Копорский, О говоре севера Пошехонно-Володарского у. Ярославской губ., «Труды Ярославск. пед. ин-та», II, 3, 1929, стр. 31; О. А. Державина, Говор г. Углича Ярославской г., «Труды комиссии по диалектологии русского языка», 9, 1927, стр. 101; Ф. Покровский, О народных говорах северо-западной части Костромской г., «Живая Старина», 3—4, 1898 (далее — Гов. Костром.); е. о. же, О народном говоре Чухломского у. Костромской г., там же, 3, 1899; П. О. Пилатевский, Материалы по изучению говоров Нижегородской г., «Изв. Нижегородск. гос. ун-та», 2, 4, 1928, 1930 (далее — Гов. Сем. Нижегород.); Ф. Покровский, Образцы народного говора Нижегородской г., «Живая Старина», 1, 1911 — Макаровский и Арзамасский уу.; И. Яштайкин, Песни и рассказы, записанные в д. Алексеевской слободе Курмышского у. Симбирской г., «Варшавские университетские известия», 9, 1914 (далее — Курмыш. Симб.); «Материалы для изучения...», IX — Галич, Костромской г., «Материалы...», XI, Сб. ОРЯС, 99, 3, 1921 — г. Муром и села на левом берегу Оки, с. Вача Новосельской в. Муромского у. Владимирской г.

³³ См. по Вятской губ. «Материалы», IX — с. Кизнерь Малмыжского у., с. Пышак Орловского у., с. Нагорское Слободского у., Кадамская в. Яранского у.; А. Г. Милычакова-Ивакина, Описание говора д. Ивакино, д. Содом, д. Ерши Юмской в. Котельничского у. Вятской губ., «Труды Вятск. пед. ин-та», III, II, 1928 (далее — Гов. К. Вятск.); Е. П. Луппова, Говор Куменской в., «Труды Вятского гос. музея», I, 1927, стр. 72 — Вятский у.; Вятск. гов. В прилегающих областях — «Материалы», IX — с. Яренга Никольского у. Вологодской губ.; Л. И. Чагина, Е. А. Бахмутова, Л. П. Смолькова, Практические занятия по русской диалектологии, Елабуга, 1964 (далее — Р. диал.) — Аскинский р. БАССР, Заинский р. ТАССР; В. А. Малаховский, Говор Новобуянского р. Куйбышевской обл., «Уч. зап. Куйбышевск. пед. ин-та», 5, 1942; Гов. Урала, стр. 14; П. Черных, Русские говоры Мамырской в. Тулунского у. Иркутской губ., «Сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского ун-та», 5, 1923, стр. 364; Гов. Тунк., стр. 13. Сосуществование форм *сварьба* и *свальба* отмечено в работе В. Мансикки «Заметки о говоре Никольского у.» (ИОРЯС, 19, 4, 1914, стр. 210).

группы этого типа не характерно для западных говоров (псковских, западноновгородских, ржевских, смоленских) и для говоров поморских и олонекских. Южнорусским говорам это явление также не свойственно.

В том случае, если интервокальное сочетание может быть по-разному распределено по слогам без нарушения слоговой структуры, создается неопределенность в слогоделении. Можно ожидать, что для избавления от этой неопределенности в интервокальных группах согласных произойдут некоторые изменения³⁴. С этой тенденцией может быть связана известная ассимиляция сочетаний *дн*, *бм*, *бв*, которые по своему типу («смычный плюс сонорный») могли бы быть отнесены к одному слогу, но которые в то же время представляют собой трудные или невозможные начальные структуры. Этой же тенденцией могут быть вызваны упрощения интервокальных сочетаний *здн*, *стн*, *с'т'м'*, *з'д'б*, *стк*, *стл*, *стл'*, *с'т'й*, *ств*. Яркий пример проявления этой тенденции находим в упрощении срединного сочетания *-ртр'-* (*патрет* из *портрет*)³⁵.

Рассмотрим теперь, как распределены по говорам различные способы упрощения групп согласных. Начальные группы упрощаются за счет приставки и вставки гласного, опущения, замены и вставки согласного. Метатеза — явление в русских говорах крайне редкое³⁶. Можно считать, что первичная функция протезы гласного — упрощение сочетаний типа «сонорный плюс согласный».

Во многих говорах встречается протеза не только перед этими группами, но и перед одиночными согласными и группами типа *ст*, *стр*³⁷. Это, однако, не противоречит нашему утверждению. По использованным данным, во всех тех говорах, в которых имеется протеза не перед рассматриваемыми группами, имеется протеза и перед рассматриваемыми группами. Исключение представляет протеза в словах *опосля*, *окромля*, *офторник*, порою упоминающаяся в описаниях, в которых никаких других случаев протезы не упоминается. В первых двух случаях, однако, можно предполагать нефонетический источник изменения, в последнем, видимо, имеем дело с одним из побочных результатов перехода *ш* → *в*, причем с результатом лексикализированным (протезы в слове *второй* нам ни разу не встретилось).

Протеза перед сочетаниями типа «сонорный плюс согласный» свойственна всем диалектным группам русского языка, но в разном объеме. Иерархически наиболее низкие группы этого рода — это сочетания сонорного с

³⁴ См. об этом: В. Н á l a, *La syllabe, sa nature, son origine et ses transformations*, «Orbis», X, 2, 1961, стр. 126.

³⁵ См. Гов. Шенкур., стр. 104; Гов. Рузск., стр. 108; Гов. Моск., стр. 21; И. А. К а п и н, Усень-Ивановский говор БАССР в его отношении к другим говорам русского языка, «Уч. зап. Казанск. ун-та», 115, 9, 1955, стр. 141; Б. Т и м о ф е е в, Некоторые заметки по говору с. Меховского Курганской обл., «Уч. зап. Шадринск. пед. ин-та», 3, 1959, стр. 198; Гов. Барабы; М. Г. Х а л а н с к и й, Народные говоры Курской губернии, СПб., 1904; Гов. Воронеж. См. еще упрощающиеся по той же, видимо, причине сочетаний *ксп*, *ксп'* (*экспортный*, *экспедиция*): И. С. М е р к у р ь е в, Мурманский говор (консоантантзм), Мурманск, 1962, стр. 25. Видимо, другой источник имеют такие изменения, как *нн* → *л'н*, *мн'* → *мл'*, *мн* → *мл*, *мп* → *нп*, *мб* → *нб*, *мв* → *нв*. Судя по нашим данным, эти явления свойственны всем диалектным группам русского языка и не имеют определенных ареалов распространения.

³⁶ В использованных нами материалах метатеза отмечается в формах *рняв* (см. выше), *смарт* «смард» — Е. Б у д д е, К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора, РФВ, 27, 2, 1892 (далее — Рязан. гов.); М. К а р а у л о в, Говор станиц б. Моздокского полка Терского казачьего войска, РФВ, 44, 3—4, 1900, стр. 107 (далее — гов. Моздок.); *врагь* вместо *врагъ* (Рязан. гов.); *туртёй* вместо *ртутью* («Материалы...», IX — Пушкинская в. Костромского у.). Исключительное положение в отношении метатезы занимают говоры уральских казаков, где этот процесс представлен чрезвычайно широко (см.: Н. И. М а л е ч а, О перестановке звуков в словах, Уральск, 1963).

³⁷ См.: Ф. П. Ф и л и н, О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах, сб. «Лексика русских народных говоров», М.—Л., 1966.

сбилянтом, затем с носовым, затем со смычным. Говоры, в которых упрощаются первые два типа, действительно, не имеют сколько-нибудь определенного ареала распространения. Среди севернорусских говоров упрощающие и третий тип сочетаний расположены в Архангельской области³⁸. Упрощение всех типов сочетаний такого рода наблюдается в западных среднерусских и в южнорусских говорах (Гов. Смоленск., стр. 124—125; Гов. Мещов., стр. 155; Гов. Мосал., стр. 78)³⁹.

Вставка гласного наблюдается в сочетаниях типа «сонорный плюс согласный». Судя по имеющимся данным, это явление не обладает определенной территориальной соотносительностью. Интересны формы с редуцированным или *a* между *n* и шумным. Они широко распространены в южно- и среднерусских говорах и отсутствуют в севернорусских⁴⁰. При этом любопытно, что если редуцированный зафиксирован в группе *пс* (*пъсалом*, *пъсаломщик*, *пъсалтырь*), то он зафиксирован и в группе *ни* (Капин. гов., стр. 30; Гов. Калуж.)⁴¹.

Если не принимать во внимание нескольких единичных случаев, опущение сводится к двум явлениям: отпадению *з* в группе *зн* — *натъ*, *наю*, встречающемуся в ряде восточных среднерусских и севернорусских говоров, и отпадению *n* в группах «*n* плюс шумный»⁴². Замена связана со

³⁸ Форма *артуть* отмечена в работах: Гов. Шенкур., стр. 92; Род. Лом., стр. 25; В. Ф. Боровин, Характерные признаки говоров Вельского р-на, «Диалектологический сборник», I, 1, Вологда, 1941, стр. 43. Упрощение только этих трех типов, указываемое для западных и южных говоров, может быть лишь следствие неполноты описаний.

³⁹ См. также: П. А. Расторгуев, Говоры на территории Смоленщины, М., 1960, стр. 96; В. И. Попов, указ. соч., стр. 250; Н. П. Гришкова, Очерки по русской диалектологии. IV. Говор тузовлян Ржевского у., ИОРЯС, 31, 1926; Псков. нар.—пригороды Изборска; К. А. Иерапольский, Говор д. Савкино Пушкинского р. Псковского округа, «Изв. по русскому языку и словесности», III, 2, 1930; В. И. Чернышев, Говор Пушкинского р-на, «Язык и мышление», 6—7, М.—Л., 1936, стр. 109—110; А. А. Никольский, Говоры Калужской обл., «Уч. зап. Калужск. пед. ин-та», 1, 1950 (далее — Гов. Калуж.) — Мосальский и Жиздринский р-ны; А. И. Ефремов, Материалы по диалектологии Калужской губ. Говор Козельского и части Жиздринского уу., «Изв. Калужского об-ва изучения природы и местного края», 3, 1919, стр. 189 (далее — Диал. Калуж.); Е. Ф. Будде, О народных говорах в Тульской губ., ИОРЯС, 3, 4 1898; Ф. П. Илин, Говор д. Селино, Дубенского р-на Тульской обл., «Материалы и исследования по русской диалектологии», I, М.—Л., 1949; П. Тиханов, Брянский говор. Сб. ОЯС, 76, 4, 1904, стр. 27; В. Резанов, К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоинского у., Курской губ., РФВ, 38, 3, 1897, стр. 90—94; Е. И. Резанов, Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки Суджанского у. Курской г., ИОРЯС, 17, 1, 1912, стр. 233 (далее — Гов. Судж.); В. И. Собинов, Говор с. Петина Гремячинского р., Воронежской обл., «Труды Воронежск. ун-та», 25, 1954; е е же, Говоры Гремячинского р-на, сб. «Природа и хозяйство Гремячинского р-на Воронежской обл.», Воронеж, 1953, стр. 45. В переселенческих говорах: Б. Немченко, Русские старожилы Литвы и их говоры, «Уч. зап. вузов ЛитССР», VII, 1963; Гов. Моздок., стр. 74; Гов. Забайк., стр. 323; Е. И. Тыняева, Об особенностях консонантизма в говоре семейских Забайкалья, «Краткие сообщения [Иркутск. ун-та]», 1965.

⁴⁰ Любопытную подробность см.: В. Кульпина, В. Сараева, Е. Лукина, Говоры Лихославльского р. Калининской обл., «Сб. студенческих работ [Пензенск. пед. ин-та]», 3, 1957, стр. 46. В этом районе соседствуют средне- и севернорусские говоры. В оающем северном говоре находим форму *пшениць*, в аающем среднерусском *пъшениць*, *пъглы*.

⁴¹ См. также: А. А. Никольский, Народные говоры Жиздринского у., Калужской губ., РФВ, 66, 3—4, 1911, стр. 248; Н. П. Гришкова, Очерки... VII. О русских говорах Коротоякского у. Воронежской г., «Изв. по русскому языку и словесности», III; Г. И. Матвеева, Фонетические особенности говора с. Роголево Ордынского р. Новосибирской обл., «Уч. зап. Красноярск. пед. ин-та», 25, 3, 1963, стр. 194.

⁴² См.: Гов. Грязов., стр. 76 (*саломщик*, *сайтырь*); В. Г. Орлова, О говоре с. Пермас Никольского р. Вологодской обл., «Материалы и исследования по русской

следующими явлениями: (1) *дл' → гл'*, распространенное, по замечанию А. М. Селищева, в севернорусских говорах ⁴³; (2) *пт, пт', пч → мт, мт', мч (мц)*⁴⁴; (3) *нр → мр* (Гов. Пудож., стр. 154) ⁴⁵. При помощи вставки согласных упрощаются группы *нр, ср, зр, зр'*.

В конце слова, как и в начале, наблюдаются протеза и вставка гласного, отпадение и замена согласного. Протеза употребляется для упрощения несвойственных русскому языку конечных групп согласных в заимствованных словах (*-кт, -нк*); за скудостью данных ничего нельзя сказать о распространении этого явления.

Отметим еще один феномен, другого, видимо, рода, но, быть может, связанный с интересующими нас случаями, — гласный в конце слова, после трудной группы согласных, известный в основном в собственных именах (*Лександра, Пётра*). Это явление встречается в южнорусских говорах (Гов. Мосал., стр. 78; Гов. Мещов., стр. 155; Гов. Воронеж., стр. 267; Гов. Судж., стр. 254) ⁴⁶, в говорах поволожских областей ⁴⁷,

диалектологии», I, 1949 (*соломщик*); Л. Васильев, Язык «Беломорских былин», ИОРЯС, 7, 4, 1902, стр. 29 (*тица, шаница*); Гов. К. Вятск., стр. 49 (*салом'ик*); А. Тихвинский, Особенности говора Ярославского у., Ярославской губ., РФВ, 24, 3—4, 1890 (*чѣла*); Диал. Сиб., стр. 76 (*шениш'ка*) — Верхнеудинский у.; Г. С. Виноградов, П. Я. Черныш, указ. соч., стр. 10 (*шынница*); Гов. Тунк., стр. 14 (*шыниса, саломыш*); «Материалы...», XI — Новосельская в. Муромского у. Владимирской г. (*ташка*). Таким образом, во всех случаях, кроме последнего, это явление наблюдается в севернорусских говорах.

⁴³ См.: Диал. Сиб., стр. 225—226. См., впрочем: Е. О. Малышевская, Описание диалекта д. Узьмино Псковской обл. Струго-Красненского р-на. Автореф. канд. диссерт., Тарту, 1951; В. И. Чернышев, Говор города Осташкова, «Материалы и исследования по русской диалектологии», II, М. — Л., 1949, стр. 267. Относительно этого явления верно, что если оно наблюдается в слове *глинный* (*глинный*), то оно есть и в предлоге *для* (*гля, гли*), см.: Капин. гов., стр. 34 (*гля*, в детской речи *глинный*); «Материалы...», IX — д. Б. Жирново, Вихаревской в. Малмыжского у. Вятской г.; Гов. К. Вятск., стр. ... (*глинный* — с пометой «редко»); Гов. Тунк., стр. 13.

⁴⁴ А. М. Селищев отмечает это явление (Диал. Сиб., стр. 225) в Грязовецком, Тотемском уу., в Каргопольском у., в Череповецком у., в Галиче, в Буйском у. Наиболее постоянно это явление в костромской группе севернорусского наречия, см.: Гов. Костром.; Гов. Чухлом.; Гов. Шугн. Костром., стр. 33; «Материалы...», IX — Пушкинская в. Костромского у.; «Труды комиссии по диалектологии русского языка», 11, Л., 1930, стр. 164 — с. Протасово Сараевской в., Нерехтского у.; И. Кузнецов, Свадьба в Хмелевицком приходе Ветлужского у. Костромской губ., «Живая Старина», 1899, 4, стр. 533. См. также в Ярославской губ. — А. Тихвинский, указ. соч.; Г. Г. Мельниченко, К диалектологии Ярославской обл., Уч. зап. Ярославск. пед. ин-та, 1, 1944 — в Рыбинском у.; В. Николаевский, Этнографический очерк Угличского у., ЖМНП, ч. 74, 1852, июнь; А. Соколов, Опыт сборника слов для орфоэпических упражнений в школах г. Ростова и его уезда, «Вестник Ярославского земства», 1881, № 111—112. См. еще в Никольском у. Вологодской г. (В. Мансикка, указ. соч., стр. 210). Один раз оно отмечено в олонечских говорах, см. В. Мансикка, О говоре северо-восточной части Пудожского у., ИОРЯС, 19, 4, 1914, стр. 154 (далее — Гов. Пудож.); один раз во владими́ро-поволожских, в Шолокишской в. Нижегородского у. (В. Чернышев, Говоры южной части б. Нижегородской губ., «Lud słowiański», III, 1, Kraków, 1933; далее — Гов. Нижегород.). Это явление, видимо, отсутствует в южнорусских и западных говорах, в поморских говорах, в тверских, владимирских и вятских говорах.

⁴⁵ См. еще: Р. И. Аванесов, Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле, «Материалы и исследования по русской диалектологии», 2, М., 1949, стр. 247; С. А. Копорский, указ. соч.; Гов. Сем. Нижегород.; Гов. Нижегород. Явление это распространено, видимо, на той же территории, что и (2).

⁴⁶ См. также: А. Никольский, Говоры Жиздринского у., стр. 248; «Материалы...», XI — с. Покров Медынского у. Калужской губ.; «Материалы...», IX — с. Троицкое Вороновский в., Брянского у. Орловской г.

⁴⁷ См. также: С. А. Копорский, указ. соч., стр. 33—36; Ф. Покровский, Особенности в говоре населения, расположенного по р. Письме, Костромской г., Буйского у., «Живая Старина», 1895, 3—4; его же, Образцы народного говора Нижегородской г.; Курмыш. Симб.; Р. диал. — д. Пермяки Пестреченского р. Татарской АССР; В. А. Малаховский, Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия, Куйбышев, 1967 — Ставропольский и Безенчуский рр.

в рязанских⁴⁸ и поморских⁴⁹ говорах. Вставку гласной находим в группах «согласный плюс плавный» (*журавель, декабрь*)⁵⁰ и в группе *з'н'*⁵¹, единичные случаи наблюдаем и в других трудных группах. Отпадение наблюдается в группах типа «согласный плюс сонорный» (распространено повсеместно) и группах *с'т'*, *ст* (см. ниже). Замена имеет место только при переходе *з'н'* → *с'т'* в тех говорах, которые не упрощают или непоследовательно упрощают конечное *с'т'*⁵².

Рассмотренные факты позволяют сделать вывод о том, что вокалический тип упрощения (вставка и протеза гласного) свойствен в большей степени южным и западным говорам, консонантический тип (опущение и замена согласного) — северным говорам (поморская группа по ряду характеристик сближается с западными говорами).

Рассматривая ряд изменений консонантных сочетаний, можно прийти к выводу, что они являются феноменами одного процесса, в разной степени выраженного. Это прежде всего относится к упрощению конечных групп *с'т'*, *ст* и срединных *стн*, *здн*, *з'д'б*, *стл*, *стк*, *с'т'й*, *ств*. В соответствии с соображениями о трудности интервокальных сочетаний мы должны ожидать следующих градаций этого процесса. В первую очередь должны упрощаться интервокальные группы *стн*, *з'д'б* ввиду отсутствия начальных *тн*, *д'б* в русском языке. Затем должны упрощаться *стл*, *стл'* (*тл* — невозможная в литературном языке группа, *тл'* — трудная), затем *стк* (*тк* хоть и возможная, но весьма трудная группа), затем *с'т'й* (*т'й* — невозможная группа, но не из самых иерархически низких по своему типу), затем *ств* {*с'т'в* (*тв* — возможная и достаточно удобная начальная последовательность)}. Место упрощения конечных *с'т'*, *ст* в этом процессе можно определить так: упрощение *с'т'й* имплицитруется упрощением *с'т'* (слогораздел *с'т'* — *й*, конечная в слоге группа *с'т'* упрощается), упрощение *ств* предполагает упрощение *ст* (так как возможен слогораздел *с* — *тв*). Такое развитие в общих чертах мы и находим в русских говорах⁵³. Рассмотрим теперь, как распределяются по говорам различные

⁴⁸ См. еще: А. А. Шахматов, Описание Лекинского говора Егорьевского у., Рязанской г., ИОРЯС, 18, 4, 1913; «Материалы...», XI — д. Апохино Егорьевского у.; Гов. Касим.

⁴⁹ «Материалы...», IX — с. Порог Онежского у., Архангельской г.; Род. Лом., стр. 25.

⁵⁰ Вставка в группах «согласный плюс *л*, *л'*» распространена повсеместно, что же до вставки в группах «согласный плюс *р*, *р'*», то она скорее свойственна южным, чем северным говорам.

⁵¹ См.: Псков. нар. — д. Сабези, г. Изборск; В. И. Чернышев, Говор Пушкинского р., стр. 110; Л. В. Асиляев, указ. соч., стр. 29.

⁵² Такой переход естественно предполагать в качестве промежуточной стадии и в изменении *з'н'* → *с'* (ср. сосуществование форм *жись*, *жить* в говорах с непоследовательным упрощением *с'т'* — см.: Т. Ф. Мурникова, Из материалов диалектологических экспедиций на о. Пийрисар, «Уч. зап. Тартуск. ун-та», 104, 1961; В. Прушевская, указ. соч.), однако это относится уже к построениям, а не к фактическим данным.

⁵³ Обратное указанному соотношению изменений *ст* и *ств* см. в ряде говоров Костромской и Нижегородской гг.: Гов. Костром.; Гов. Чухлом.; Ф. Покровский, Образцы народного говора Нижегородской г. — Балахинский и Лукояновский уу.; Гов. Нижегород. — Шолокша. Быть может, это исключение объясняется, с одной стороны, непоследовательностью изменений, а с другой стороны — неполнотой материала. В других говорах того же ареала находим правильное соотношение, см.: Я. Кузнецов, указ. соч.; Гов. Шугн. Костром., стр. 51—53; «Материалы...», IX — Пушкинская в. Костромского у. Другого рода исключения находим в трех (из более чем двухсот рассматриваемых здесь) совокупностях изменений: Н. П. Гринкова, Очерки по русской диалектологии. К вопросу о сицкарях, ИОРЯС, 30, 1925, находим формы *д'ес'е'йт'ел'н'о* и *йес'м'*, *вл'ес'м'*, хотя вообще *с'т'* → *с'*; А. А. Шахматов, указ. соч., сохранение *стк* при встречающихся упрощениях *ст*, *с'т'*; *с'т'й*; М. А. Караулов, Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков, Сб. ОРЯС, 71, 7, 1902, упрощается *ств* при сохранении *ст*, *с'т'*, *с'т'й*. Быть

типы изменения (будем говорить здесь только об изменениях групп *стн*, *стл*⁵¹), *стк*, *с'т'й*, *с'т'*, *ст*, *сте*; упрощения звонких и глухих коррелятов, видимо, взаимосвязаны). Полный набор изменений представлен в ладоготихвинской, онежской, лачской, вологодской, поморской⁵⁴ и белозерской группах северного наречия, в ярославских говорах (ссылка на отдельные работы не приводим), в архаических оstashковских говорах, в ряде говоров Юрьевского и Суздальского уу. Владимирской губ.⁵⁵. Колебания в произношении *ств* при упрощении *ст* имеются в Гов. Моск., стр. 20, 58⁵⁶. Сохранение *ств* при упрощении *ст* находим в ряде говоров Калужской обл. (Гов. Мещов., стр. 159)⁵⁷, в ряде среднерусских говоров⁵⁸, в некоторых вятских⁵⁹. Колебания в произношении *ст* при упрощении *с'т'* находим в Калужской, Московской и Кировской областях⁶⁰. Сохранение *ст* при упрощении *с'т'* находим в среднерусских говорах (Гов. Смоленск., стр. 136; Капшин. гов., стр. 56; Курмыш. Симб.; Гов. Сем. Нижегород.; Псков. нар.)⁶¹, в западных южнорусских (Гов. Мосал., стр.

может, у сичкарей и гребенских казаков имеем дело с лексикализованными явлениями. Трудно установить соотношение изменений *стн*, *стл* и *стк*, поскольку в петривальном виде (все упрощаются) оно представлено только единичными и не вполне достоверными примерами.

⁵⁴ Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков, Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, М., 1915, стр. 20.

⁵⁵ С. А. Копорский, Архаические говоры Оstashковского р. Калининской обл., Уч. зап. Калининск. пед. ин-та, X, 3, 1945; В. И. Чернышев, Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уу., Сб. ОРЯС, 71, 5, 1901, стр. 11, 18, 23.

⁵⁶ См. также: В. Чернышев, Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уу., Сб. ОРЯС, 72, 2, 1903, стр. 35—40 — с. Гнилуша Черкизовской в.

⁵⁷ Здесь упрощение последовательное, в текстах только три примера сохранения *ст*. См. также: Гов. Мосал. — Кобылье Спасское и окрестности Силькович; «Материалы...», XI — с. Порог Медынского у.

⁵⁸ Селигеро-торжковских, см.: В. Попов, указ. соч., стр. 251; московских, см.: Гов. Моск. — с. Харутино, Литвиново; Гов. Рузск., стр. 104—105; В. Чернышев, Говоры Тверского, Клинского ... — Клинский у.; см. еще: Н. Н. Соколов, Акающие говоры Костромской г., «Труды Московской диалектологической комиссии», 8, М., 1919, стр. 21.

⁵⁹ Судя по записям, приводимым в Р. диал. См. еще: И. А. Канишин, указ. соч. Таково, видимо, положение и в говорах восточной части Верхнего Поветлужья (см.: Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, Говоры Верхнего Поветлужья, Нижний Новгород, 1931, стр. 33), а также в целом ряде среднерусских говоров к западу от Москвы. Т. Г. Паникова (Изменения в области фонетики в говоре д. Парфенки», Уч. зап. Вологодск. пед. ин-та», 33, II, 1967, стр. 145) указывает, что им свойственно упрощение *ст*. Упрощение *ст* → с отмечено в Старорусском (А. Ф. Марецкая, Говор Старорусского р. Новгородской обл. Автореф. канд. диссерт., Л., 1963, стр. 22), Струго-Красненском (Е. О. Малышевская, указ. соч.) районах, в ряде смоленских говоров (см.: П. А. Растиоргуйев, указ. соч., стр. 96—97), в Завидовском и Лихославльском р-нах Калининской обл. (И. А. Кудрявцева, Некоторые особенности фонетической системы говора Завидовского р., Уч. зап. МОПИ, 184, 1962, стр. 247; В. Кульпина и др., указ. соч., стр. 47).

⁶⁰ А. А. Никольский, Материалы... — Жиздринский р.; Гов. шуваликов; А. С. Бедняков, Изменения в говоре шуваликов, Уч. зап. МОПИ, 100, 1961; Е. П. Луппова, К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской обл., «Очерки по фонетике севернорусских говоров», стр. 241; см. еще: В. Чернышев, Говор Пушкинского р-на.

⁶¹ См. также: Т. С. Ворошилова, Характерные особенности шуйских говоров, Уч. зап. Шуйск. пед. ин-та», 3, 1960, стр. 276; Р. И. Аванесов, О говоре Перяславль-Залесского у. Владимирской г., «Труды комиссии по диалектологии русского языка», 9, Л., 1927, стр. 74; «Материалы...», IX — д. Архангелово Покровского у. Владимирской г.; Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, указ. соч., стр. 33 — вост. часть Верхнего Поветлужья.

13)⁶², в вятских говорах⁶³. Соотношение изменения $c'm'$ и $c'm'й$ остается неясным из-за недостатка материала. Колебания в произношении этих последних групп при упрощении $стк$ представлены в рязанских (Рязан. гов.; Гов. Касим.) и тульских говорах⁶⁴. Сохранение $c'm'$, $c'm'й$ при упрощении $стк$ находим в орловских, курских, воронежских и тамбовских говорах⁶⁵. Отсутствие упрощения $стк$ и $стл$ отмечено лишь в единичных случаях⁶⁶. Таким образом, несколько огрубляя факты, можно сказать, что рассматриваемый процесс расширяет сферу своего действия по мере движения с юго-востока на северо-запад. Упрощение конечного $см$, $зм$ (нас из *пasm*, *риматис* из *ревматизм*) предполагает, видимо, упрощение конечного $ст$ (Гов. Шенкур., стр. 104; Гов. Пудож., стр. 76; Гов. Моск. стр. 21—Гончари, Радомля, стр. 53—Харугино). Упрощение конечного $ст$ предсказывается также и существованием гиперкорректных форм типа *адрист* (адрес), *анист* (анис), *интерест* (интерес), *Одеста* (Одесса) и под.⁶⁷.

Явления одного, видимо, процесса такие ассимиляции как $дн \rightarrow нн$, $бм \rightarrow мм$, $бв \rightarrow вв$. Ассимиляция $дн \rightarrow нн$ предполагает, надо думать, ассимиляцию $бм \rightarrow мм$ (исключения мы обнаруживаем лишь в шести из более чем двухсот рассмотренных совокупностей данных изменений. Эти исключения могут объясняться неполнотой описаний). Напрашивается мысль, что данная закономерность объясняется невозможностью начального $бм$ при существовании начального $дн$, если рассматривать структуры начала слова и начала слога как аналогичные. Место $бв \rightarrow вв$ в этом процессе неясно ввиду неполноты описаний.

Для некоторых изменений верны утверждения типа: для любого говора справедливо, что, если определенное изменение обнаруживается в одной позиции в слове, то это изменение обнаруживается и в другой позиции в слове. Так, если в начале слова $дн \rightarrow нн$ ($н'н'и$, $н'н'ом$, $нно$), то это изменение наблюдается и в середине слова. Если бы $дн \rightarrow нн$ в начале слова было только после предлога с гласным исходом, следовало бы говорить не о позиционном, но о морфемном статусе изменяемого сочетания. Наблюдаются, однако, и другие случаи, причем как после слова с гласным исходом, так и в ином положении: $н'ом-те$ «днем» (Гов. Череп. Новг., стр. 19), $град был ннём$ (Гов. Касим.).

⁶² См. еще: П. А. Расторгуев, указ. соч., стр. 96—97; А. И. Ефремов, указ. соч.

⁶³ См.: Е. П. Луцкова, К вопросу..., стр. 241. Любопытно, что в Р. диал. (стр. 6—8) отмечается упрощение $ст$ и $c'm'$ как черта, характерная для вологодско-вятских говоров на территории Волго-Камья, а упрощение $c'm'$ при сохранении $ст$ — как черта, характерная для владимиро-поволжской группы на этой территории. Судя по записям текстов, положение, однако, несколько сложнее.

⁶⁴ Е. Б. Удде, О народных говорах в Тульской г., ИОРЯС, 3, 4, 1898; В. Благовещенский, Черты народного говора в Тульском и Крапивинском уу. Тульской губ., РФВ, X, 3, 1883; Ф. П. Филин, Говор д. Селино; А. А. Шахматов, указ. соч.

⁶⁵ А. И. Сахаров, указ. соч., стр. 4; «Материалы...», IX — с. Троицкое Брянского у.; В. Резанов, указ. соч., Гов. Судж., § 131; М. Г. Халанский, указ. соч. — егуны; Гов. Воронеж. «Диалектологические материалы, собр. В. И. Троицким», Сб. ОЯС, 95, 1, 1916; «Материалы...», IX — с. Ураево Валуйского у. Воронежской г.; И. Д. Самойлова, Говор с. Суравы Лысогорского р-на Тамбовской обл., «Уч. зап. МГПИ», 224, 1964.

⁶⁶ М. Г. Халанский, указ. соч. — сильно акающие и якающие говоры, саяны; е го же, Сведения и заметки о говорах русского языка, РФВ, 16, 3—4, 1886 — сев. часть Путивльского у. Курской губ.

⁶⁷ См. Гов. Шенкур., стр. 102; Гов. Пудож., стр. 156; Вятск. гов.; Гов. Мещов., стр. 57; В. М. Попов, указ. соч., стр. 250; Н. П. Ночвин, Материалы для изучения народного языка. Говор крестьян Шадринского у. Пермской губ., «Зап. Уральского об-ва любителей естествознания», 32, 2, 1913; Гов. Зайк. Свердлов., стр. 67; Гов. Барабы.

Ряд закономерностей определяется морфологическим статусом изменяемого сочетания⁶⁸. Так, вставка смычного в группы *ср*, *зр* в том случае, когда между этими фонемами проходит префиксальный шов, предполагает эпентезу в группах, принадлежащих одной морфеме⁶⁹. Если же вставка происходит на стыке предлога и имени, то она происходит и при префиксально-шве и в группах, относящихся к одной морфеме⁷⁰. Того же рода закономерность наблюдается и в ассимиляции *дн* → *нн*⁷¹.

В этой связи интересно отметить, что ассимиляция *бм* → *мм* чаще всего наблюдается в словах *обморок*, *обман*, с наименее очевидным морфемным разложением. Форма *омараж* отмечена и в ряде южнорусских говоров, которым ассимиляция *бм* → *мм* не свойственна (Гов. Калуж. — в Жиздринском районе; Гов. Судж., § 125; Гов. Воронеж., стр. 113; Диал. Калуж., стр. 199). Если не видеть здесь морфологического переосмысления, то в парадоксальной форме можно было бы сказать, что ассимиляция *бм* → *мм* свойственна и южнорусским говорам в том случае, если не осознается гетероморфемность сочетания *бм*. Это можно было бы сопоставить с тем, что южнорусские говоры (в отличие от северных) в изменениях сочетаний согласных стараются не нарушать морфологического единообразия (не вводят слишком большого числа новых морфофонологических правил, требующих обращения к парадигме). Таким образом, в южнорусских говорах в консонантизме тенденция слушающего проявляется в большей степени, чем в севернорусских⁷².

Этим заканчивается данный обзор изменений групп согласных в русских говорах и их соотношений.

⁶⁸ О явлении того же порядка — слогоделении — в связи с морфологическим статусом, см.: Л. К у г у л о в и с з, Contribution..., стр. 210—212; Р. И. А в а н е с о в, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, стр. 47—56.

⁶⁹ Конечно, это зависит от того, какой мы выберем принцип морфемного членения. Воспринимаются, видимо, как тавтоморфемные и подвергаются эпентезе сочетания *ср*, *зр* в словах *Стретьење*, *страм*, *струб*, *строк*, *стражение*, *страный*, *здра*, *здрѣт*, *создрѣт*, *здрѣние* и других с теми же основами. Вставка в сочетаниях с префиксальным швом зафиксирована в работах: Гов. Грязов., стр. 76 (*струбити*); Гов. Пудож., стр. 156 (*раздрубить*, *воздрасту*); И. С. М е р к у р ъ е в, указ. соч., стр. 7 (*стро-ни*); Д. Т. Л и с е н к о в а, Консонантизм в говоре с. Трусова Усть-Цилемского р. Коми АССР, Сыктывкар, 1964 (*строшила*); А. И. Б о р и с о в а, Консонантизм говора Лысьвенского р-на Пермской обл., «Уч. зап. Пермск. пед. ин-та», 3, 1967, стр. 138 (*стразу*, *строду*); Е. И. Л и т в и н о в а, Фонетические особенности русского говора Красногорского р-на Удм.АССР, «Уч. зап. МОПИ», 148, стр. 478 (*струблены*, *бездр-различно*, *раздрѣшил*), т. е. в говорах русского Севера и Урала. См., впрочем: А. В. М и р т о в, Донский словарь, Ростов-на-Дону, 1929 (*стростить* — смешать холодную воду с теплой).

⁷⁰ Такого рода эпентезу находим в говорах Восточной Сибири, см.: В. Г. Б о г о р а з, Областной словарь Колымского русского наречия, Сб. ОЯС, 68, 4, 1901, стр. 8; М. Ф. Д р у ж и л и н а, Фонетические особенности говора Приленских русских старожилов, «Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока», 1, Иркутск, 1960, стр. 141; Л. И. К о т е л ь н и к о в а, Говор д. Змеиновки Киренского р. Иркутской обл., «Уч. зап. Якутск. ун-та», 11, 1961, В с. Маркове Анадырского р-на отмечена К. М. Б р а с л а в ц о м («Диалектологический очерк Камчатки», Южно-Сахалинск, 1963, стр. 268).

⁷¹ Подробный анализ наблюдаемых здесь соотношений см. у Е. П. Л у н п о в о й («К вопросу...», стр. 243). Форма *паньял* (поднял) отмечена еще у В. И. Ч е р н ы ш е в а («Говор Пушкинского р-на», стр. 110).

⁷² См.: Б. А. У с п е н с к и й, Проблемы лингвистической типологии в аспекте различия «говорящего» (адресанта) и «слушающего» (адресата), «To honor Roman Jakobson», III, The Hague — Paris, 1967. Ср. еще *умря да нистле* (не истлела, о жене Лота — Гов. Мещов., стр. 35), при обычном упрощении групп *стл*, *стк*, ... *ст* в этом говоре.